

УДК 331.215

DOI 10.24412/1026-8804-2021-3-55-69

Изучение цинскими правителями языков народов империи и языков зарубежных государств (XVIII—XIX вв.)

Павел Андреевич Лапин,

кандидат исторических наук, советник по культуре Посольства России в Китае, Пекин, КНР.

E-mail: waijiao2000@mail.ru

Межкультурные обмены в монархическом Китае выстраивались с учётом традиционной внешнеполитической доктрины, делившей мир на две неравнозначные части: цивилизацию (Китай) и варварскую периферию. Не признававшие главенство цинского монарха и не принимавшие законы и правила Китая, т.е. декларирующие свою политическую независимость народы (как, например, европейцы, в том числе россияне) считались «непросвещёнными», и их национальное наследие, включая родные языки, изучать китайскому монарху, обладавшему наивысшей добродетельной силой *дэ*, не представлялось возможным. Вошедшие же в состав империи приграничные национальные территории, в которых вводилось китайское управление, размещались маньчжуро-китайские войска, применялось китайское законодательство, в представлениях цинских придворных идеологов становились «приобщившимися» к цивилизации народами, «единой семьёй», родные языки которых были достойны внимания со стороны китайского императора. Целью исследования, в этой связи, является анализ практики цинских императоров по изучению культурного наследия и языков народностей, входивших в состав империи, и зарубежных государств с учётом сложившейся в то время традиционной внешнеполитической доктрины. Изучаются причины, по которым цинские монархи успешно овладевали языками покорённых ими народов — монгольским, тибетским, уйгурским, но предпочитали отказываться от изучения, например, латыни — языка европейской средневековой науки — или русского, японского и других языков независимых государств при наличии в Пекине таких возможностей и большой практической необходимости. Сделан вывод, что подобное отношение к изучению зарубежного социального опыта при цинском дворе сохранилось вплоть до конца XIX в., несмотря на постепенный отход Пекина от китаецентричной модели развития внешней политики, реализацию серии поддержанных императорами реформ, регулярных отправок за рубеж китайских студентов и дипломатических групп, которые в том числе посещали ведущие учебные заведения и современные производства. При всех глубоких изменениях

в мире и самом Китае сакральный статус китайского монарха и его положение в системе традиционной власти оставались неизменными.

Ключевые слова: Цинская империя, китайская монархия, иностранные языки в Китае, внешнеполитическая доктрина «Китай — варвары», гуманитарные связи.

Studying Languages of the Empire and Foreign Countries by Qing Sovereigns (the 18th — 19th Centuries).

Pavel Lapin, Russian Embassy in China, Beijing, PRC. E-mail: wajiao2000@mail.ru.

Sovereign China set intercultural exchanges taking into consideration the traditional foreign-policy doctrine which divided the world into two unequal parts: the civilization (China) and the barbarian periphery. The nations which didn't recognize the supremacy of the Qing Emperor, China's laws and rules as well as declared their political independence (for example, Europeans including Russians) were considered uneducated, and the Chinese Emperor couldn't study their national heritage including languages because he possessed the utmost virtue *de*. The national border territories which became a part of the Empire where Chinese government was introduced, Manchurian-Chinese troops were located, Chinese legislation was used, were regarded by the Qing court ideologists as nations that joined the civilization, "the united family" which national languages were worthy of the Chinese Emperor's attention. The paper analyses the practices of Chinese emperors of studying cultural heritage and the languages of the nations which were a part of the Empire as well as the languages of foreign countries taking into account the traditional foreign-policy doctrine. The paper examines the reasons why Qing emperors successfully studied the languages of the conquered nations: Mongolian, Tibetan, Uigur but refused to study, for example, Latin as a language of European medieval science or Russian, Japanese or any other languages of independent states despite possibilities and practical necessity in Beijing. It is concluded that such attitude of the Qing court towards the study of foreign social experience lasted until the end of the 19th century despite Beijing's gradual moving away from Chinese foreign-policy model, implementation of reforms supported by emperors, regular foreign travels of Chinese students and diplomatic delegations which visited leading educational institutions and modern industries. Although there were complex changes in the world and in China, the sacral status of the Chinese monarch and his position in the system of traditional power were invariable.

Keywords: Qing Empire, Chinese monarchy, foreign languages in China, foreign-policy doctrine "Sino-Barbarian Dichotomy", humanitarian ties.

Изучение цинскими императорами национальных языков народов, населявших Китай, а также языков зарубежных государств имело не только практическое, но и важное политическое и идеологическое значение. Несмотря на то, что первые императоры возвели свой родной маньчжурский язык в ранг государственного, успешное управление новой

империей было невозможным без овладения ими основным языком государства — китайским, а в будущем, с учётом политической, идеологической и практической потребности, — языками основных народностей, входивших в состав Китайской империи, а также языками зарубежных государств. Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить принципы, которыми в том числе могли руководствоваться китайские монархи при выборе изучаемых иностранных языков в контексте действовавшей в то время в империи практики межнациональных и внешнеполитических контактов. Сделанные выводы актуальны с точки зрения понимания общих принципов выстраивания внешней гуманитарной политики Китая с зарубежными государствами в исследуемый период.

ЦИНСКИЙ ДВОР И ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ ИМПЕРИИ

В 1644 г. маньчжурские войска вошли в столицу бывшей Минской империи — Пекин. Была основана последняя в истории монархического Китая династия Цин. За неимением своего административного опыта кочевые правители были вынуждены заимствовать доставшиеся им от минских императоров принципы государственного управления, включая идеологические и методологические основы внутренней национальной и международной политики.

Первый цинский император Шуньчжи (род. в 1638 г.; годы правления 1644—1661) и всё высшее маньчжурское чиновничество первоначально не владели китайским языком, что осложняло процесс управления государством. Усугубляло положение ещё и то, что в целях сохранения контроля маньчжуры старались минимизировать назначение китайских служащих на высокие государственные посты [7, с. 51—59]¹. Чтобы хоть как-то наладить делопроизводство во всех центральных министерствах и ведомствах, были введены должности специальных секретарей *цисиньлан* (启心郎, букв.: «открывающий сердце, дающий наставительное представление» [императору]²), набранных «из китайских чиновников, владевших маньчжурским языком... которым при каждой необходимости надлежало участвовать в делах [перевода]» [34, с. 43]. Это, однако, не решало сути проблемы: без знания китайского языка новые правители не могли эффективно управлять оседлой цивилизацией, по уровню своего общего развития значительно превосходившей маньчжурское кочевое общество.

¹ Это, правда, не приносило ожидаемых результатов. Маньчжуры испытывали большую зависимость от китайского чиновничества минской династии и были вынуждены работать с ним. Например, в 1653 г. в одном из главнейших совещательных органов — Дворцовой канцелярии (*Нэйгэ*, 内阁) — заседали 28 императорских советников (*дасюэши*, 大学士), из которых маньчжуров было всего 11, а китайских чиновников — 17 [5, с. 93].

² Здесь и далее в квадратных скобках даются наши пояснения — П.Л.

Уже в 1645 г. цензор района к югу от Янцзы (*цзяннаньдао юйши*, 江南道御史) Ян Сычун (杨四重) докладывал в регентский совет при императоре Шуньчжи: «Начертание маньчжурского и китайского языков ещё не достигли своего великого единства. Просим документы на маньчжурском языке, которые обнарудутся и вводятся в действие в Поднебесной, переводить [на китайский язык]» [28, с. 196]. В том же документе чиновник отмечал мудрость малолетнего цинского правителя, указывая, что «император в минуты, свободные от множества дел управления государством, овладевает китайским устным языком, изучает китайскую письменность» [28, с. 196]. Сменивший Шуньчжи император Канси (1662—1722) с малых лет учил маньчжурский и китайский языки и знал их в совершенстве. А следующий правитель Китая Юнчжэн (1723—1735), видимо, настолько преуспел в овладении китайским языком, что впервые в истории этого государства предпринял попытку унифицировать по всей империи нормы разговорного китайского языка [9, с. 39—41]³.

Китайский язык плотно входил в обиход высшей маньчжурской знати. Например, если во время правления императора Канси в традиционных государственных экзаменах на получение учёных степеней (*кэцзюй*, 科举), которые сдавались на китайском языке, приняли участие порядка 10 тыс. детей маньчжурской знати, то во времена Цяньлуна (1736—1795) их было уже более 22 тыс. [20, с. 10]. В 1671 г. был отменён указ о назначении в каждое ведомство секретарей-переводчиков *цисиньлан* [9, с. 40].

Параллельно с китайским и маньчжурским языками⁴ цинские правители изучали некоторые национальные языки империи. За короткий период в состав Китайского государства были включены земли, которые заселяли народности, обладавшие самобытными языками и письменностью⁵. С целью установления прямых контактов с национальными предводителями, общения с их послами, ежегодно прибывавшими ко двору, император Цяньлун старательно изучал национальные языки этих народов. По данным Высочайше утверждённого Описания Жэхэ, «в 1743 г. Цяньлун начал изучать монгольский язык⁶, в 1760 г. — язык *хуэйюй* (回语)⁷,

³ Причиной тому послужили неудачные доклады китайских чиновников из южных провинций империи (совр. Гуандун и Фуцзянь), изъяснявшихся на местных диалектах, с которыми монарх знаком не был [9, с. 40].

⁴ По имевшимся тогда при дворе правилам, родной маньчжурский и китайский языки император должен был изучать с шести лет [31, с. 49]. При этом занятия языками проходили ежедневно и начинались в четыре часа утра.

⁵ Ещё до захвата минского Китая, в 1636 г., маньчжуры подчинили Южную Монголию, к 1691 г. вассалитет по отношению к Цинской империи признали ханы Халхи (Северная Монголия). В 1751 г. цинские власти окончательно установили свой суверенитет над Тибетом, а в 1757 г. маньчжурские войска уничтожили Джунгарское ханство, присоединив к империи Западную Монголию, в 1759 г. был установлен контроль над Кашгарией (Восточный Туркестан).

⁶ Судя по исторической литературе, император учил язык западных монголов джунгаров (ойратов или монголов-торгоутов) — ойратский язык.

⁷ Был языком межнационального общения в Средней Азии, это ранний новоперсидский язык.

в 1776 г. — язык княжеств Цзиньчуань⁸ (фаньюй, 番语)⁹, в 1780 г. после встречи с Панченламой¹⁰ — тангутский (唐古特语)¹¹ [29, с. 467].

В изучении языков Цяньлун, видимо, добивался неплохих результатов. Так, при встрече в 1754 г. с правителем Джунгарского ханства Амурсаной цинский монарх общался с гостем исключительно на монгольском языке, не прибегая к помощи переводчиков [34, с. 76]. Также без переводчиков 17 сентября 1771 г. прошла встреча императора в его летней резиденции в Чэндэ с монгольским ханом Баши¹² [22, с. 751].

Цяньлун также неплохо владел и письменными национальными языками. В 1773 г. по инициативе главного учителя тибетского буддизма при цинском дворе Чанкья Ролпе Дорже III начался перевод «Тибетского буддийского канона» (*Да цзан цзин*, 大藏经) на маньчжурский и монгольский языки. По указанию священнослужителя перевод был передан на рассмотрение императору, который подмечал неточности изложения [30, с. 77]. В 1779 г. последовало распоряжение монарха о том, что «все указы и эдикты, изготовленные на монгольском языке, необходимо направлять нам (императору. — П.Л.) для личного внесения исправлений, после чего обнародовать» [27, с. 612]. Цяньлун также славился способностью к переводу стихов: написанные им в 1743 и 1779 гг. на китайском языке произведения — «[Рифмованная] проза Шэнцзину» (*Шэнцзин фу*, 盛京赋) и «Изданные по высочайшему повелению полно рифмованные стихи» (*Юйчжи цюаньюнь ши*, 御制全韵诗) — монарх сам же перевёл на маньчжурский язык [36, с. 107].

По общим оценкам, без учёта родного маньчжурского языка император Цяньлун в разной степени мог изъясняться, читать или писать

⁸ Предполагают, что это был цянский язык (嘉戎语), относящийся к бирманско-тянганской ветви сино-тибетской языковой семьи. В настоящее время цянский язык считается одним из диалектов тибетского языка [31, с. 49]. Княжества Великое и Малое Цзиньчуань (金川) населялись племенами тибето-бирманского происхождения.

⁹ «Фаньюй» — часто встречающийся в цинской исторической литературе термин для названия языков неханьских народностей, заселявших империю, и иностранных языков.

¹⁰ В 1780 г. Пекин по случаю 70-летия императора Цяньлуна посетил Панчен-лама VI Лобсанг Палден Еше.

¹¹ Скорее всего, речь шла о тибетском языке или одном из его диалектов, так как тангутский язык, на котором говорили в Западном Ся в XI—XIII вв., к периоду Цяньлуна уже являлся мёртвым и не использовался [31, с. 49]. Есть предположение, что монарх начал учить тибетский задолго до приезда духовного лидера Тибета в столицу, так как при встрече с гостем император уже имел возможность с ним изъясняться, а с 1773 г. занимался переводом религиозных произведений с тибетского языка [36, с. 107—108].

¹² Хан Баши возглавил возвращение монголов-торгоутов из России на историческую родину в Западную Монголию (где ранее находилось Джунгарское ханство), за что был принят императором и щедро им награждён. После встречи с ханом монарх распорядился воздвигнуть в близлежащем храме «Путоцзун» две стелы, на которых собственноручно на маньчжурском, китайском, монгольском и тибетском языках написал два эпитафия: «Запись об удачном возвращении всего племени [монголов] торгоутов [на родину]» (*Туэрхутэ бу цюаньбу гуй шунь цзи*, 土尔扈特部全部归顺记) и «Запись об оказании милостивой поддержки [монголам] торгоутам» (*Юсюй туэрхотэ бу чжун цзи*, 优恤土尔扈特部众记) [32, с. 41].

на пяти языках и диалектах народов, населявших северные и северо-западные рубежи Цинской империи [17, с. 66].

В целях налаживания контактов с национальными окраинами и зарубежными государствами первые цинские императоры открывали специальные учебные заведения, где велась подготовка специалистов со знанием языков этих народов. Уже в 1644 г., в год основания новой династии, от имени Шуньчжи была восстановлена образованная ещё в минскую эпоху Школа [по подготовке] переводчиков [языков] четырёх стран света (*Сыигуань*, 四译馆), в которой обучали языкам государств, граничивших с Китаем на юге и юго-западе [6, с. 126]. С учётом укрепления контактов с Россией указом Канси в 1708 г. при Дворцовой канцелярии была учреждена школа русского языка (*Нэйгэ элосивэнь гуань*, 内阁俄罗斯文馆) [33, с. 49—61; 1]. В 1729 г. Цяньлун основал школу латинского языка (*Сиянгуань*, 西洋馆) [10, с. 23]. В 1751 г. он также учредил школу переводчиков корейского языка (*Чаосянь и сюэ*, 朝鲜译学), а в 1756 г. при Дворцовом управлении (*Нэйуфу*, 内务府) — школу уйгурского языка (*Хуэй цзы гуаньсюэ*, 回子官学), на базе которой в 1768 г. было открыто отделение бирманского языка [13, с. 77—78].

По указанию императора Цяньлуна в 1748 г. начались масштабные работы по совершенствованию дидактической базы преподавания иностранных языков. В то время все учебные пособия по иностранным языкам были объединены в серию с единым названием *Хуа-и и юй* (华夷译语, букв. «Китайско-варварские переводные слова»). В выпущенном двором по этому случаю эдикте оглашалось: «Мы (император. — П.Л.) прочитали хранящиеся в школе Сыигуань различные книги на языках народов, населяющих окраинные и зарубежные территории. Несмотря на то, что [содержание] книг распределено по звучанию и переводу названия вещей, мы знаем лишь тибетский язык... Приказываю вновь проверить [версию учебных] книг на тибетском языке, содержание распределить по видам и разделам, объединив в единый корпус. Все [редакционные] работы книг, [изготовленных] на санскрите и языках Сиян¹³, поручить дворцу Сяньаньгун (咸安宫). [Учебные] книги по языку государства Сяньло (暹罗)¹⁴, языку байи (百夷)¹⁵, бирманскому языку, языку государства Бабай (八百)¹⁶, фарси,

¹³ Термин «сиян» (西洋), обозначающий географическое направление, весьма широко использовался в китайских исторических документах, при этом его значение менялось вслед за сменой исторических эпох. В конце правления династии Мин и начале Цин термин «сиян» означал «западный», и этому в немалой степени способствовали католические миссионеры, прибывавшие в Китай с юга, но указывающие на то, что «их государства располагаются ещё „западнее“, чем Индия и Африка — в том месте, которое называется *Сиян*, или *Сиго*» (西国, букв. «западное государство») [21, с. 157—158].

¹⁴ Старое китайское название Таиланда.

¹⁵ Букв. «язык ста варваров», или шанский язык.

¹⁶ Так именовали в Китае язык государства Лана, располагавшегося на севере современного Таиланда.

уйгурскому языку¹⁷ передать наместникам тех провинций, которые граничат с этими государствами, поручить им вести сбор [данных] и вносить дополнения» [26, с. 352—353]. В случае, если по содержанию разговорников была возможность проконсультироваться у носителей языка в Пекине, приказывалось это сделать незамедлительно¹⁸.

Основная часть работы по редактированию учебных пособий была завершена к 1750-м гг. По данным немецкого исследователя В. Фукса, в 30-х гг. XX в. в Пекине сохранилось 98 наименований учебных пособий по 36 иностранным языкам, подготовленных примерно в середине XVIII в. [3, с. 91—93]. В этот же перечень были включены разговорники на французском, немецком, итальянском, португальском и латинском языках, возможно, составленные при школе латинского языка *Сиян гуань* (на обложке каждого разговорника были нанесены три иероглифа с названием школы — «Си» «ян» «гуань»), в списке также имелся разговорник по английскому языку (*Инцизилиго и юй*, [口英] 咭喇国译语), на обложке которого надпись «Сиян гуань», правда, отсутствовала [3, с. 92, 99—101; 21, с. 151].

Цяньлун уделял внимание и составлению комплексных словарей для параллельного перевода с маньчжурского языка на национальные языки приграничных народов. С 1743 по 1794 г. под его руководством было выпущено пять таких лексиконов, при этом наиболее полным стала «Изданная по высочайшему повелению энциклопедия на маньчжурском языке „О пяти телах“» (*Юйчжи ути цинвэнь цзянь*, 御制五体清文鉴; 1791 г.), где по тематикам был представлен перевод слов и выражений (более 18 тыс.) сразу на пяти языках — маньчжурском, тибетском, монгольском, уйгурском и китайском [24, с. 99—103, 47].

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК И ЦИНСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ

В первой половине XIX в. международная обстановка в мире начала быстро меняться: на первый план стали выходить промышленно развитые государства Западной Европы и США, включившиеся в активную колониальную политику на Востоке. Некогда сильная Цинская империя постепенно начала превращаться в центр столкновения интересов держав, реализовывавших в отношении этого восточного государства довольно жёсткую военно-дипломатическую и торгово-экономическую политику. В результате серии военных конфликтов середины — второй половины XIX в. цинская администрация была вынуждена пойти на уступки европейским державам и подписать с ними договоры и соглашения, предоставившие иностранцам значительные права и привилегии в Китае.

¹⁷ Эти языки преподавали в школе *Сыигуань*.

¹⁸ Возможность поступить таким образом у столичных властей, в частности, появилась уже в 1749 г., когда китайскую столицу посетил посольство из государства Сяньло [26, с. 765—766].

На фоне ослабления Цинской империи на международной арене там в 60-х гг. XIX в. возникло Движение по усвоению заморских дел (*янъу юньдун*, 洋务运动), представители которого призывали к активному изучению современных иностранных научных теорий и технологий, их адаптации к китайским реалиям и повсеместному внедрению в интересах усиления империи.

Важным направлением деятельности последователей этого движения стали реформы системы образования, в том числе нацеленные на подготовку специалистов со знанием иностранных языков. «Переводческое дело является основой производства, — справедливо в 1868 г. в докладе императору Тунчжи сообщал китайский политический деятель Цзэн Гофань. — Иностранцы изготавливают [технические] изделия, исходя из математических расчётов. Скрытые вещи можно отыскать в чертежах с [текстовым] описанием [на иностранном языке], что отделяет понимание сути [идеи для людей], не владеющих [иностранном] языком. Можно каждодневно изучать изделие, но не понять великой сути, как его использовать и производить» [37, с. 18]. С целью подготовки соответствующих специалистов китайские администраторы в Пекине (1862), Шанхае (1863) и Гуанчжоу (1864) открыли первые современные школы *Тунвэньгуань* (同文馆), где преимущественно преподавали западноевропейские языки [35, с. 109]. Однако более активно заведения по обучению иностранным языкам начали открываться в конце XIX — начале XX в.

Довольно долго цинские монархи отказывались от изучения языков зарубежных государств (прежде всего, западноевропейских). Императоры Даогуан (1821—1850), Сяньфэн (1851—1861) и Тунчжи (1862—1874), на период правления которых пришлось первые конфликты Китая с мировыми державами и фактическое превращения империи в полуколонию, осознавали преимущества западного пути развития, превосходство европейских научных знаний и технологий. Правители поддерживали реформы традиционной системы образования и отправку первых китайских студентов на учёбу за рубеж, но изучение иностранных языков для непосредственного знакомства с политическим, социально-экономическим и культурным письменным наследием западной цивилизации и поддержания прямых контактов с иностранными дипломатами, военными, промышленниками и учёными считали неприемлемым по идеологическим соображениям. Лишь с началом правления молодого и энергичного императора Гуансюя (1875—1908), который летом 1898 г. возглавил так называемые «Сто дней реформ», отношение к изучению китайским правителям западных языков несколько изменилось.

Первого декабря 1891 г. император Гуансюй начал учить английский язык [8, с. 2482]. В представлении прогрессивной части столичного чиновничества, не говоря о простых подданных империи, это стало важнейшим светским событием: сам китайский монарх постигал язык людей, которых ещё совсем недавно считали в Пекине «варварами» и «непросвещёнными людьми». В феврале 1892 г. столичная газета «Ваньго гунбао»

(万国公报) поместила заметку «Поздравления по случаю изучения императором английского языка» (*Гун цзи хуаншан иси инвэнь ши*, 恭记皇上疑习英文事) [25, с. 108]. Информация о новом учебном занятии китайского монарха быстро распространилась и за рубежом: 2 февраля уже газета *The New York Times* сообщила, что «их величество цинский император, которому в этом году двадцать лет, в настоящее время обучается английскому языку у двух учащихся школы иностранных языков *Тунвэньгуань*, которые получили англо-американское образование. В связи с этим событием опубликован Высочайший манифест императора Гуансюя, который распространён по всему государству» [11, с. 129].

Преподавателями императора по рекомендации главного учителя пекинской школы иностранных языков *Тунвэньгуань* Вильяма Мартина¹⁹, который фактически являлся руководителем этого учебного заведения и главным специалистом при цинском дворе по изучению «западных наук», служили двое выпускников этой школы — дипломаты и переводчики, неоднократно выезжавшие за рубеж, — Чжан Дэи (张德彝, 1847—1918) и Шэнь До (沈铎) [25, с. 109]. По сообщениям Мартина, монарх обучался английскому каждый день, продолжительность урока составляла полчаса. Занятия начинались в четыре часа утра, поэтому учителя, чередуясь каждый день, были вынуждены прибывать ко двору накануне в ночь и ожидать по несколько часов начала занятий [12, с. 214].

Преподавание велось по авторским разработкам, составленным Чжан Дэи, на базе которых он в 1895 г. составил учебник по грамматике «Правила слов английского языка» (*Инвэнь хуа гуй*, 英文话规) [19, с. 18]. Кроме этого, монарх также пользовался словарями, составленными иностранцами [15, с. 182; 16, с. 93].

Сложно сказать, каких результатов добился император в изучении английского языка. По оценкам Мартина, цинский правитель учился старательно, не пропускал занятия; он в целом приобрёл хорошие навыки чтения и письма, но устный английский язык был не в полной мере удовлетворительным по той причине, что «его учителя не осмеливались поправлять императора, когда тот неверно произносил звуки» [12, с. 214]. Возможно, на учебных успехах монарха сказывался и уровень устного английского языка его преподавателей. Мартин вспоминал: как-то при императоре второй наставник поправил первого, неверно произнёсшего слово, тем самым заставив монарха усомниться в их профессиональном уровне [12, с. 214].

Гуансюй продолжал обучение английскому языку до конца 1894 г., пока на его учебную деятельность не был наложен запрет со стороны вдовствующей императрицы Цыси. Под предлогом того, что «обучаться маньчжурскому языку и иностранному писанию (английский язык. — П.Л.) надо порознь» занятия были остановлены [8, с. 2758]. Для консервативной части высшего чиновничества, возглавляемой Цыси, изучение императором «варварских языков» являлось чуждым явлением, порочившим его честь,

¹⁹ William Alexander Parson Martin; кит. имя Дин Вэйлян (丁韪良), 1827—1916.

и принять такие действия даже со стороны монарха при дворе отказывались. А среди прогрессивной части высшего чиновничества английский язык начал пользоваться большой популярностью [12, с. 214]. Существовала и формальная причина отказа: для занятий английским языком было выбрано то время, которое, как указывалось выше, предусматривалось для изучения китайского и маньчжурского языков, что противоречило веками существовавшим правилам и регламентам императорского двора²⁰.

Гуансюй стал единственным китайским правителем, который изучал европейский язык. В 1909 г. на китайский престол взошёл последний император в монархической истории этого государства — трёхлетний Пуи (1909—1912). В 1911 г., когда монарху было всего шесть лет, в империи произошла антимонархическая Синьхайская революция. Появилось новое государство — Китайская Республика. Новая власть довольно снисходительно обошлась с бывшим правителем, сохранив за ним право проживания в императорском дворце и назначив ему государственное довольствие. Пуи был образованным человеком, в 1919 г. Бэйянское правительство пригласило бывшего монарха в учителя шотландца Реджинальда Ф. Джонсона (Reginald Fleming Johnston, 1874—1938), который преподавал ему английский язык, математику, историю, естествознание и географию. 4 марта 1919 г. «после молебна в павильоне Юйцингун [императорского дворца] Джонсон начал обучать Пуи» [18, обложка; 23, с. 15—16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение цинскими монархами национальных языков империи и языков зарубежных государств осуществлялось в рамках китайской традиционной внешнеполитической доктрины, «в основе которой лежал принцип разделения мира на две абсолютно разные по своим качествам части: Китай и все остальные. „Все остальные“, где бы они ни были и кем бы они ни являлись, считались „варварами“» [2, с. 37]. По мнению китайских придворных идеологов, народности, признавшие политическую зависимость от правящего дома, причислялись к категории «просвещённых», становились «одной семьёй» с правящим домом. Те же иностранные правители, которые декларировали независимость от Пекина (как, например, россияне), считались «варварами-вайфань», пока не приходшими к пониманию важности «преобразующей всё вокруг силы дэ» китайского монарха.

²⁰ Запреты Цыси, однако, не действовали на императора: он изыскивал возможность продолжать изучение английского языка. В 1903 г. во дворец помощницей императрицы Цыси была устроена дочь китайского посла во Франции Юй Гэна (裕庚) — [Юй] Дэлин ([裕]德齡). В своих дневниковых записях она указывала, что летом того года преподавала императору английский по часу в день. «Он очень умный, обладает феноменальной памятью, — вспоминала [Юй] Дэлин, — поэтому демонстрирует большой прогресс, однако его произношение [на английском языке] по-прежнему не очень чёткое. Через некоторое время он научился читать короткие истории из английских школьных учебников, умеет красиво писать» [14, с. 194].

С учётом концепции «Китай — варвары» становятся понятны причины, по которым император Цяньлун успешно овладел монгольским, тибетским и уйгурским языками. Монгольские княжества, Тибет, Джунгария и Кашгария были включены в состав Китайской империи, там были расквартированы маньчжуро-китайские войска, имелась цинская администрация, использовалось китайское законодательство и применялся китайский календарь, в строгом соответствии с которым в Пекин для засвидетельствования почтения китайскому монарху направлялись послы с определёнными подарками, символизовавшими политическую зависимость от правящего дома. Вместе с тем Цяньлун, судя по всему, обладавший неплохими способностями к изучению языков, отказывался изучать другие языки, которые, возможно, были более востребованы при развитии контактов Пекина с внешним миром. Ещё при дворе его деда и отца активные позиции имели священники Ордена иезуитов, которые, кроме своих родных европейских языков, владели латынью — языком средневековой науки. С 1715 г. в Пекине на постоянной основе функционировала Российская духовная миссия, которая в том числе выполняла и дипломатические функции, обеспечивая развивавшиеся политические, торгово-экономические и культурные контакты китайского двора с приграничной Россией. Однако история показала, что языки этих и других государств ни Цяньлун, ни другие цинские монархи не изучали и лишь ограничивались учреждением соответствующих языковых школ. В Пекине понимали, что, несмотря на трактовки придворных летописцев о приходе очередного «даннического посольства», например, от «белого царя»²¹, эти государства продолжали оставаться независимыми²², т.е. только начавшими свой путь к «просветлению», вследствие чего их культурное достояние, в том числе национальные языки, не могли интересовать монарха Срединной империи²³.

Важно то, что подобной модели выстраивания контактов с внешним миром китайские правители придерживались вплоть до конца XIX в., несмотря на глубокие изменения в самом Китае и окружающем мире. Даже когда китайский двор фактически признал преимущества в развитии государств

²¹ Так в цинских хрониках *шилун* называли российского монарха.

²² В истории внешнеполитических контактов Китая встречались также случаи, когда правители иностранных государств в обмен на выгодные торговые отношения с Пекином признавали формальный вассалитет перед империей (Бирма, 1768 г.; Вьетнам 1789 г.), сохраняя при этом свою полную политическую независимость.

²³ Это, однако, не означало, что цинские императоры отказывались от любых контактов с представителями, например, европейских государств. С помощью тех же иезуитов Канси изучал «Начала» Евклида и другие учебные пособия по основам математики, его внук император Цяньлун стал обладателем большой коллекции европейских часов, технических инструментов, в том числе для занятий астрономией [4, с. 681]. Однако контакты эти носили спорадический характер, не оказывали какого-либо критического воздействия на мировоззренческие представления китайских монархов и рассматривалось ими скорее как некое увлечение «заморскими диковинными вещами». Важным было и то, что иезуиты владели китайским языком, что избавляло китайских монархов от необходимости лично изучать латынь или какие-либо европейские языки.

Запада и США, увлечение английским языком императора Гуансюя вызвало большое сопротивление со стороны императрицы Цыси, являвшейся фактическим правителем империи. От изучения «варварского языка» Гуансюя отговаривал даже его учитель Вэн Тунхэ (1830—1904), видный политический и государственный деятель, сановник внешнеполитического ведомства Китая — Главного управления по иностранным делам (*Цзунли гэгэ ши'у ямэнь*, 总理各国事务衙门) [8, с. 2481]. Считалось, что такими действиями китайский монарх подрывал не только идеологические основы китаецентричной внешнеполитической доктрины, которой при всей её иллюзорности он был вынужден следовать, но и всю систему традиционных ценностей о якобы безоговорочном превосходстве Китайской империи в мире, как правитель признавал необходимость изучения опыта «варваров», что могло спровоцировать социальные потрясения и, главное, ослабить позиции консерваторов во главе с Цыси. «Эпоха прочно сложившихся три тысячи лет назад старых правил и установок уже прошла. С тем, чтобы успешно реагировать на действия нынешних держав, необходимо провести соответствующие государственные преобразования», — говорили авторы упоминавшейся выше заметки в *The New York Times* о конфликте ещё сильных консерваторов и новой передовой интеллигенции [11, с. 129].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Лапин П.А. Первая школа русского языка в Китае. М.: Восточная литература, 2009. 125 с.
2. Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 282 с.
3. Fuchs W. Remarks on a new “Hua—I—I—Yu” // *Bulletin of the Catholic University of Peking*. 1931. No. 8. P. 91—103.
4. Harrison H. The Qianlong Emperor’s Letter to George III and the Early-Twentieth-Century Origins of Ideas about Traditional China’s Foreign Relations // *The American Historical Review*. Vol. 122. Iss. 3. June 2017. P. 680—701.
5. 王东. 从清朝初期的政治状况论职官制度 = Ван Дун. О системе чиновничества с точки зрения политической ситуации в ранний период династии Цин // *商*. 2014. № 51. С. 92—93.
6. 王静. 清代会同四译馆论考 = Ван Цзин. Разыскания о цинской школе [по подготовке] переводчиков [языков] четырёх стран света при Управлении гостевых резиденций // *西北大学学报 (哲学社会科学版)*. 2006. № 5. С. 125—128.
7. 王敬雅. 清前期满洲官员升转问题研究 = Ван Цзинъя. Исследование вопросов повышения по службе маньчжурских чиновников в ранний период династии Цин // *清史研究*. 2017. № 3. С. 51—59.
8. 翁同龢日记 = Дневник Вэн Тунхэ. Пекин: 中华书局. Т. V. 1997. С. 2337—2970.
9. 郭晔旻. 雍正王朝的“推广普通话运动” = Го Еминь. «Движение за распространение нормативного китайского языка» в период правления императора Юнчжэна // *紫禁城*. 2011. № 4. С. 39—41.
10. 郭福祥. 巴多明与清宫西洋学馆 = Го Фусян. [Доминик] Паренин и Западная школа при дворе маньчжурского императора // *紫禁城*. 1997. № 4. С. 24—25.
11. 帝国的回忆 — «纽约时报»晚清观察记 = Воспоминания об империи — заметки с наблюдениями из газеты «*The New-York Times*». Пекин: 三联出版社, 2001. 469 с.

12. 丁慧良. 花甲忆记: 一位美国传教士眼中的晚清帝国 = Дин Вэйлян (Martin W.). Воспоминания шестидесятилетнего: позднецинская империя глазами одного американского миссионера. Гуйлинь: 广西师范大学出版社, 2004. 330 с.
13. 杜家骥, 秦贤宝. 清代八旗学校中的外语教育 = Ду Цзяцзи, Цинь Сяньбао. Обучение иностранным языкам в школах «восьми знамён» во время династии Цин // 满族研究. 2007. № 1. С. 76—78.
14. 德龄. 清宫二年记 — 清宫中的生活写照 = Дэлин. Хроники двух лет, проведённых в цинском дворце — жизненные портреты из цинского дворца. Куньмин: 云南人民出版社, 1994. 198 с.
15. 叶晓青. 光绪皇帝的阅读书目 = Е Сяоцин. Книги, которые читал император Гуансюй // 历史研究. 2001. № 2. С. 180—183.
16. 吕和, 王静岩. 清末光绪皇帝的英语学习及其读本考略 = Люй Хэ, Ван Цзинъянь. Обзор изучения императором позднецинского периода Гуансюем английского языка и его учебные пособия // 兰台世界. 2015. № 6. С. 92—93.
17. 牛海桢. 简论清王朝的民族语言文字政策 = Ню Хайчжэнь. Краткие рассуждения о политике в области национальных языков и письменности во время династии Цин // 黑龙江民族丛刊. 2005. № 25. С. 65—67.
18. 谢小华. 庄士敦受聘为溥仪师傅合同 = Се Сяохуа. Контракт о найме [Р.Ф.] Джонсона в качестве учителя для Пуи // 历史档案. 2009. № 1. Обложка.
19. 付克. 中国外语教育史 = Фу Кэ. История преподавания иностранных языков в Китае. Шанхай: 上海外语教育出版社, 1986. 356 с.
20. 胡雪艳. 清代前期科举制度上的满汉文化冲突 = Ху Сюэянь. Маньчжуро-китайский культурологический конфликт в системе сдачи государственных экзаменов *кэ-цзюй* в ранний период династии Цин // 呼伦贝尔学院学报. 2009. № 4. С. 9—12.
21. 黄兴涛. “[口英]咕喇国译语”的编纂与“西洋馆”问题 = Хуан Синтао. Составление «Английского лексикона» и вопросы «Западной школы» // 江海学刊. 2010. № 1. С. 150—159.
22. 皇朝藩部要略 = Свод основных данных о вассальных племенах при царствующей династии. Тайбэй: 文海出版社, 1965. Т. II. С. 639—1288.
23. 曹振卿. 溥仪的英文教师庄士敦 = Цао Чжэньцин. Преподаватель английского языка Пуи [Р.Ф.] Джонсон // 紫禁城. 1988. № 2. С. 15—16.
24. 金炳喆. “五体清文鉴”和它的价值 = Цзинь Бинчжэ. Энциклопедия на маньчжурском языке «О пяти телах» и её ценность // 辞书研究. 1986. № 5. С. 47, 99—104.
25. 邹振环. 光绪皇帝的英语学习与进入清末宫廷的英语读本 = Цзоу Чжэньхуань. Обучение императора Цяньлуна английскому языку и учебник по английскому языку, появившийся при императорском дворе в поздние годы династии Цин // 清史研究. 2009. № 3. С. 107—115.
26. 清实录. 高宗纯皇帝实录 = Хроники династии Цин. Хроники правления императора Гаоцзуна. Пекин: 中华书局, 1986. Т. XIII. 1215 с.
27. 清实录. 高宗纯皇帝实录 = Хроники династии Цин. Хроники правления императора Гаоцзуна. Пекин: 中华书局, 1986. Т. XXII. 975 с.
28. 清实录. 世祖章皇帝实录 = Хроники династии Цин. Хроники правления императора Шуньчжи. Пекин: 中华书局, 1985. Т. III. 1107 с.
29. 钦定热河志 = Высочайше утверждённое описание Жэхэ. Пекин: 商务印书馆, 2005. 778 с.
30. 秦永章. 乾隆皇帝与章嘉国师 = Цинь Юнчжан. Император Цяньлун и главный учитель Чанкья [Ролпе Дорже]. Синин: 青海人民出版社, 2008. 263 с.
31. 张小李. 乾隆学语言 = Чжан Сяоли. Цяньлун изучает языки // 紫禁城. 2011. № 3. С. 48—49.
32. 张淑梅. 土尔扈特部回归祖国与清廷的安抚 = Чжан Шумэй. Возвращение монголов-торгоутов на родину и приём их цинским двором // 兰台世界. 2004. № 3. С. 40—41.

33. 张玉全. 俄罗斯馆始末记 = Чжан Юйцюань. Полное описание Школы русского языка // 文献专刊. 1944. № 1. С. 49—61.
34. 昭梿. 啸亭杂录 = Чжао Лянь. Заметки из павильона Сяотин. Пекин: 中华书局, 1997. 583 с.
35. 中国教育制度通史 = Общая история системы образования в Китае. Цзинань: 山东教育出版社, 2000. Т. VI (2). 484 с.
36. 陈世明. 试论清朝政府关于新疆的翻译活动 = Чэнь Шимин. Очерк мероприятий цинского правительства в области перевода в Синьцзяне // 语言与翻译. 1994. № 3. С. 107—112.
37. 洋务运动 = Движение по усвоению заморских дел. Шанхай: 上海人民出版社, 1961. Т. IV. 509 с.

REFERENCES

1. Lapin P.A. *Pervaya shkola russkogo yazyka v Kitae* [The First Russian Language School in China]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2009, 125 p. (In Russ.)
2. Martinov A.S. *Status Tibeta v XVII—XVIII vekakh v traditsionnoy kitayskoy sisteme poliyicheskikh predstavleniy* [Status of Tibet in the 17—18th Centuries in the Traditional Chinese System of Political Views]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 282 p. (In Russ.)
3. Fuchs W. Remarks on a new “Hua—I—I—Yu”. *Bulletin of the Catholic University of Peking*, 1931, no. 8, pp. 91—103. (In Eng.)
4. Harrison H. The Qianlong Emperor’s Letter to George III and the Early-Twentieth-Century Origins of Ideas about Traditional China’s Foreign Relations. *The American Historical Review*, vol. 122, iss. 3, June 2017, pp. 680—701. (In Eng.)
5. 王东. 从清朝初期的政治状况论职官制度 [Wang Dong. On the Bureaucracy in Terms of the Political Situation during the Early Qing Period]. *商*, 2014, no. 51, pp. 92—93. (In Chin.)
6. 王静. 清代会同四译馆论考 [Wang Jing. Research on the Qing School of Translators of Four Corners of the Earth within the Administration of Guest Residences]. *西北大学学报 (哲学社会科学版)*, 2006, no. 5, pp. 125—128. (In Chin.)
7. 王敬雅. 清前期满洲官员升转问题研究 [Wang Jingya. Research on the Promotion of Manchu Officials during the Early Qing Period]. *清史研究*, 2017, no. 3, pp. 51—59. (In Chin.)
8. 翁同龢. *翁同龢日记* [Weng Tonghe. Diary of Weng Tonghe]. Peking, 中华书局 Publ., vol. 5, 1997. pp. 2337—2970. (In Chin.)
9. 郭晔旻. 雍正王朝的“推广普通话运动” [Guo Yemin. “Movement on the Spread of the Mandarin Chinese Language” during the Rule of the Yongzheng Emperor]. *紫禁城*, 2011, no. 4, pp. 39—41. (In Chin.)
10. 郭福祥. 巴多明与清宫西洋学馆 [Guo Fuxiang. [Dominique] Parrenin and the Western School at the Qing Court]. *紫禁城*, 1997, no. 4, pp. 24—25. (In Chin.)
11. 帝国的回忆 — 《纽约时报》晚清观察记 [Memories about the Empire — Notes from “The New-York Times”]. Peking, 三联出版社 Publ., 2001, 469 p. (in Chin.)
12. 丁韪良. *花甲忆记: 一位美国传教士眼中的晚清帝国* [Din Weiliang (Martin W.). Memories of the Sixty-Years-Old Man: The Late Qing Empire through the Eyes of an American Missionary]. Guilin, 广西师范大学出版社 Publ., 2004, 330 p. (In Chin.)
13. 杜家骥, 秦贤宝. 清代八旗学校中的外语教育 [Du Jiaji, Qin Xianbao. Foreign Language Teaching at Schools of “Eight Banners” during the Qing Dynasty]. *满族研究*, 2007, no. 1, pp. 76—78. (in Chin.)
14. 德龄. *清宫二年记 — 清宫中的生活写照* [Der Ling. Chronicles of Two Years from the Qing Palace — Living Portraits from the Qing Palace]. Kunming, 云南人民出版社 Publ., 1994, 198 p. (In Chin.)
15. 叶晓青. 光绪皇帝的阅读书目 [Ye Xiaochun. Books which the Guangxu Emperor Read]. *历史研究*, 2001, no. 2, pp. 180—183. (In Chin.)

16. 吕和, 王静岩. 清末光绪皇帝的英语学习及其读本考略 [Lv He, Wang Jingyan. Review of the Study of the English Language by Emperor Guangxu during the Late Qing Period and His Textbooks]. *兰台世界*, 2015, no. 6, pp. 92–93. (In Chin.)
17. 牛海桢. 简论清王朝的民族语言文字政策 [Niu Haizhen. Brief Arguments on the Policy of National Language and Writing during the Qing Dynasty]. *黑龙江民族丛刊*, 2005, no. 25, pp. 65–67. (In Chin.)
18. 谢小华. 庄士敦受聘为溥仪师傅合同 [Xie Xiaohua. The Contract with Sir Reginald Fleming Johnston on Employing Him as a Teacher for Puyi]. *历史档案*, 2009, no. 1, end paper. (In Chin.)
19. 付克. 中国外语教育史 [Fu Ke. The History of Foreign Language Teaching in China]. Shanghai, 上海外语教育出版社 Publ., 1986, 356 p. (In Chin.)
20. 胡雪艳. 清代前期科举制度上的满汉文化冲突 [Hu Xueyan. The Manchurian-Chinese Culturological Conflict in the Imperial Examination System during the Early Qing Period]. *呼伦贝尔学院学报*, 2009, no. 4, pp. 9–12. (In Chin.)
21. 黄兴涛. “[口英] 咭喇国译语”的编纂与“西洋馆”问题 [Huang Xingtao. Compilation of “English-Chinese Dictionary” and the Questions of “the Western School”]. *江海学刊*, 2010, no. 1, pp. 150–159. (In Chin.)
22. 皇朝藩部要略 [Concise Overview of the Vassal Tribes under the Reigning Dynasty]. Taipei, 文海出版社 Publ., 1965, vol. 2, pp. 639–1288. (In Chin.)
23. 曹振卿. 溥仪的英文教师庄士敦 [Cao Zhenqing. Puyi’s English Language Teacher Sir Reginald Fleming Johnston]. *紫禁城*, 1988, no. 2, pp. 15–16. (In Chin.)
24. 金炳喆. “五体清文鉴”和它的价值 [Jin Bingzhe. The Manchurian Dictionary in Five Languages and Its Value]. *辞书研究*, 1986, no. 5, pp. 47, 99–104. (In Chin.)
25. 邹振环. 光绪皇帝的英语学习与进入清末宫廷的英语读本 [Zou Zhenhuan. The Qianlong Emperor’s Study of English Language and the English Textbook Which Appeared in the Palace during the Late Qing Period]. *清史研究*, 2009, no. 3, pp. 107–115. (In Chin.)
26. 清实录. 高宗纯皇帝实录 [Chronicles of the Qing Dynasty. Chronicles of the Reign of Emperor Gaozong]. Peking, 中华书局 Publ., 1986, vol. 13, 1215 p. (In Chin.)
27. 清实录. 高宗纯皇帝实录 [Chronicles of the Qing Dynasty. Chronicles of the Reign of Emperor Gaozong]. Peking, 中华书局 Publ., 1986, vol. 22, 975 p. (In Chin.)
28. 清实录. 世祖章皇帝实录 [Chronicles of the Qing Dynasty. Chronicles of the Reign of Emperor Shunzhi]. Peking, 中华书局 Publ., 1985, vol. 3, 1107 p. (In Chin.)
29. 钦定热河志 [Imperially Endorsed Description of Rehe]. Peking, 商务印书馆 Publ., 2005, 778 p. (In Chin.)
30. 秦永章. 乾隆皇帝与章嘉国师 [Qin Yongzhang. Emperor Qianlong and State Teacher Changkya (Rolpe Dorje)]. Xining, 青海人民出版社 Publ., 2008, 263 p. (In Chin.)
31. 张小李. 乾隆学语言 [Zhang Xiaoli. Emperor Qianlong Studies Languages]. *紫禁城*, 2011, no. 3, pp. 48–49. (In Chin.)
32. 张淑梅. 土尔扈特部回归祖国与清廷的安抚 [Zhang Shumei. The Torguts Returned Home and the Qing Court’s Welcome]. *兰台世界*, 2004, no. 3, pp. 40–41. (In Chin.)
33. 张玉全. 俄罗斯馆始末记 [Zhang Yuquan. The Full History of the Russian Language School]. *文献专刊*, 1944, no. 1, pp. 49–61. (In Chin.)
34. 昭桂. 啸亭杂录 [Zhao Lian. Notes from the Xiaoting Pavilion]. Peking, 中华书局 Publ., 1997, 583 p.
35. 中国教育制度通史 [The History of the System of Education in China]. Jinan, 山东教育出版社 Publ., 2000, vol. 6 (2), 484 p. (In Chin.)
36. 陈世明. 试论清朝政府关于新疆的翻译活动 [Chen Shiming. On Translation Activities of the Qing Government in Xinjiang]. *语言与翻译*, 1994, no. 3, pp. 107–112. (In Chin.)
37. 洋务运动 [The Westernization Movement]. Shanghai, 上海人民出版社 Publ., 1961, vol. 4, 509 p. (In Chin.)

Дата поступления в редакцию 31.12.2020